

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
СУБРЕТКА

Николай Эдуардович Гейнце

Петербургская субретка

Аннотация

«Андрей Николаевич Загорский только что проснулся, когда ему доложили, что его дожидается в передней горничная г-жи Малевской.

Загорский был одним из видных представителей „золотой“ или, вернее, „золоченой“ молодежи.

Последнее название ближе к истине уже потому, что золота в карманах этой молодежи, сравнительно с широкой жизнью, бывает зачастую весьма немного, – ее спасает „обширный кредит“, но, конечно, спасает до поры до времени...»

Николай Гейнце

Петербургская субретка

*(одна из столичных
метаморфоз)*

Андрей Николаевич Загорский только что проснулся, когда ему доложили, что его дожидается в передней горничная г-жи Малевской.

Загорский был одним из видных представителей «золотой» или, вернее, «золоченой» молодежи.

Последнее название ближе к истине уже потому, что золота в карманах этой молодежи, сравнительно с широкой жизнью, бывает зачастую весьма немного, – ее спасает «обширный кредит», но, конечно, спасает до поры до времени.

Счастливым подчас улыбается отдаленное наследство.

В таком положении находились денежные дела и Андрея Николаевича.

Небольшое заложенное имение в Рязанской губернии было единственным его достоянием. Конечно, от продажи его можно было получить довольно порядочную сумму, но это имение служило краеугольным камнем кредита, оказываемого Загорскому «петербургскими благодетелями», и продажа его представилась делом рискованным, делом крайности.

Тем более что у Андрея Николаевича в запасе был богатый и старый дядя, отставной военный, хотя еще бодрый, молодящийся старик, но не могущий же прожить два века.

Так соображал племянник – его единственный наследник.

А потому мысль о продаже имения, хотя и приходившая в голову Загорскому, в силу этих соображений откладывалась.

По наружности Андрей Николаевич представлял из себя благообразного шатена с гладко причесанными волосами, с коротко подстриженной бородкой «a la Boulanger». Среднего роста с усталыми, не особенно умными глазами, всегда изящно одетый, он ничем не отличался от сотни других петербургских джентльменов, шлифующих в урочный час панели Невского проспекта – этих, по меткому выражению поэта, «детей вековой пустоты и наследственной праздности».

Накинув свой изящный шелковый халат, Загорский приказал лакею позвать к нему раннюю гостью.

– А, Лидия! – воскликнул он. – Письмо от Натальи Петровны?

Он протянул даже руку.

Наталья Петровна Малевская была хорошенькая и молоденькая светская женщина – жена одного из приятелей, даже друзей Андрея Николаевича, что, впрочем, не мешало ему быть с ней в интимной переписке, причем горничная Малевской – Лидия, служила для них уже в течение года верным почтальоном.

– Нет, не письмо, – смущенно произнесла хорошенькая

горничная, – Наталья Петровна мне отказала...

– Отказала! – повторил он.

Это его смутило – Лидия была такая преданная.

– За что? – спросил он.

– Барыня меня заподозрила...

– В чем?

– Относительно барина...

– Относительно Сергея? – так звали Малевского. – Вот как! Ха-ха-ха! Ну и что же?

Лидия опустила глазки.

– Я не могу жаловаться на Наталью Петровну. Она обошлась со мной ласково, без крика, она сказала мне только: «Я даю тебе два часа, чтобы ты могла уложить свои вещи и уехать!» Рассчиталась она со мной тоже очень хорошо...

– Что же вы хотите от меня? Согласитесь сами, что просить за вас Наталью Петровну немножко не... удобно...

– Я и сама это очень хорошо понимаю, Андрей Николаевич, только я служила вам целый год верой и правдой... У вас знакомых целый город, – все господа хорошие...

– А у вас есть рекомендация?..

– Ни одной! Мне все барыни по злости отказывали: из-за своих мужей...

Лидия снова опустила глазки.

Загорский внимательно осмотрел ее с головы до ног.

Лидия была прехорошенькой девушкой, с густыми каштановыми волосами, высокая, стройная. Это был тип изба-

лованной субретки.

– Ваш паспорт? – сказал он.

Она быстро сунула руку в карман дипломата и подала синенькую книжечку.

Такие книжечки выдаются С.-Петербургским градоначальником только дворянам.

Это его удивило.

Загорский развернул книжечку. Лидия оказалась дочерью поручика.

– Э! Да вы дочь бедных, но благородных родителей!

– Как же с, мой папенька был офицер, моя маменька...

– Довольно. Вы дитя несчастья.

У него блеснула мысль.

У вас есть, конечно, шляпка?

– О, да...

– В таком случае садитесь и подождите меня здесь, – сказал он, возвращая ей паспорт.

Он прошел в кабинет и сел за письменный стол.

Загорский решил привести в исполнение мысль, блеснувшую у него во время рассмотрения паспорта Лидии.

Среди его знакомых была одна барыня, – Ольга Николаевна Меньшова, жившая отдельно от мужа, служившего где-то в провинции и аккуратно высылавшего ей ежемесячное содержание.

Ольга Николаевна любила окружать себя хорошенькими лектрисами; устройство дальнейшей судьбы этих лектрис со-

ставляло ее специальность.

Андрей Николаевич бывал у Меньшовой редко, но всегда, как человек, по-видимому, богатый, являлся желанным гостем.

К ней-то и решился Загорский направить Лидию. Вращавшаяся совершенно в ином кругу, нежели тот, в домах которого последняя служила в горничных, Меньшова не могла знать прошлого рекомендуемой особы.

Загорский принялся за письмо:

«Дорогая Ольга Николаевна!»

«Подательница письма дочь одного из друзей моего покойного отца – круглая сирота, судьба которой достаточно печальна, чтобы вызвать сострадание доброго сердца.

Я знаю, что вы обладаете таким сердцем. Притом вы любительница хорошеньких; моя протезе не из числа тех, которые остаются незамеченными, в чем вы, конечно, сами убедитесь, а потому я надеюсь, что, посылая ее к вам, я тем самым кладу первый камень в основание устройства ее жизненной карьеры – вы же довершите здание».

– Вот письмо, с которым вы отправитесь на Малую Итальянскую, дом номер 17, к госпоже Меньшовой.

– Она замужем?

– Да, но мужа здесь нет, вы поступите к ней не в камеристки, а в компаньонки или лектрисы. Ах, черт возьми, забыл? Умеете вы читать и писать?

– Да.

– Смотрите – о прошлом ни полслова!.. Держите ухо востро. Сочините какую-нибудь жалостную историю насчет любви и помните, что вы круглая сирота... Поняли?

– Поняла...

– А в награду... поцелуй...

– Ах, что вы...

Время шло. Андрей Николаевич в вихре светской жизни совершенно забыл Лидию и сорванный поцелуй. Уже около года, как он потерял ее из виду, ни разу не заехав к Ольге Николаевне.

Впрочем, Загорскому за последнее время совсем было не до Лидии, не до Меньшовой. Несколько его векселей поступили в протест; кредиторы становились все назойливее и назойливее; без залога ни за какие проценты ни кто не верил. Вся надежда покоилась на дядюшке, на его отпращивании в лучший мир... Если эта надежда обманет, продавай Рязанское имение, а там, хоть в петлю.

Погруженный в соображения: «где прихватить?», Загорский в обычный час шел по Невскому. Его внимание остановилось на изящной, совершенно новенькой «с иголочки» коляске, запряженной парой вороных.

Коляска подкатила к магазину Антонова на углу Михайловской улицы и из нее выпорхнула на панель изящно одетая барыня.

Загорский как раз проходил мимо. Барыня, увидав его, приостановилась.

Он не мог прийти в себя от удивления – это была Лидия. Она узнала своего благодетеля.

Загорский подошел к ней; они разговорились. Лидия сообщила ему, что нашла себе покровителя, человека пожилого, но очень богатого, который ее страшно балует.

– Я обязана всем этим – она глазами показала на свой туалет и коляску – все-таки вам. Мы встретились с ним у Ольги Николаевны.

– Прекрасно, – воскликнул Андрей Николаевич, – значит, за вами, Лидия, шампанское!

– Ах он меня любит, так любит, – продолжала болтать Лидия, – что если бы...

Лидия остановилась.

– Что такое «если бы», – не понимаю.

Лидия, смеясь, прошептала что-то на ухо Загорскому.

– Так зачем же дело то стало?

– Невозможно! В его лета...

– Ну хорошо, Лидия, я вам и теперь помогу советом!

На этот раз он что-то начал шептать Лидии.

– Подумаю... однако же, прощайте...

– Прощайте и помните: маленькие рожки ведут к большому благополучию.

Молодые люди, смеясь, расстались.

Прошло более полугода.

Загорский в последнее время был как на ножах; для него разрешалось гамлетовское «быть или не быть»; при каждом

визите к дяде старый лакей Иван сообщал ему, что барин нездоров и не может принять его. Загорский с наслаждением потирал руки: махну тогда за границу, в Париж... О, Господи, поскорей...

В одно прекрасное утро, когда Андрей Николаевич сидел дома, весь погруженный отчасти в сладостные мечты о Париже, отчасти – в горестные думы на тему: ни один дьявол денег не дает, – к нему явился все тот же Иван с письмом от дяди.

От волнения у Загорского даже задрожали руки, когда он распечатывал конверт.

Он стал читать:

«Дорогой племянник!

Извини меня, что я не принимал тебя последнее время. Я не был особенно болен, но зато был очень занят. Мне нужно устроить судьбу дорогой для меня особы. Около года тому назад я заехал к Ольге Николаевне, и она представила меня прелестной девушке, дочери приятеля моего брата, а твоего отца и рассказала ее печальную историю. Она круглая сирота, ставшая жертвой гнусной западни одного негодяя»...

Андрей Николаевич тяжело задышал, крупные капли пота выступили на его лбу.

«Такая судьба тронула меня до глубины души. Она была прелестна, но, окруженная ореолом несчастья, казалась еще прелестнее. Ты помнишь: „Любви все возрасты пошлюны“. Я полюбил ее и не раскаиваюсь.

Для меня началась вторая жизнь... О если бы ты видел, как она ласкает мои седые волосы... Скажу тебе на ушко: через несколько месяцев я надеюсь быть счастливым отцом, а я хочу, чтобы ребенок был законным.

Надеюсь, что ты не откажешься быть моим шафером.

Твой дядя и друг.

Михаил Загорский».

«P. S. Мою будущую жену зовут Лидия – не правда ли прелестное имя?»

Письмо упало из рук Загорского; он долго не мог придти в себя.

– Придется продавать Рязанское имение! – были первые слова, вырвавшиеся у Андрея Николаевича.